

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ФОНЕ АНГЛИЙСКОЙ «ТРАГЕДИИ МЕСТИ» НА РУБЕЖЕ XVI—XVII ВЕКОВ

В. Захаров

В эпоху, предшествовавшую родовому строю, личная, в том числе и кровная, месть не связывалась в сознании людей с понятием долга, роковой повинности, неисполнение которой влекло за собой бесчестие пострадавшему или его ближайшим сородичам. Мечь воспринималась даже не как акт правосудия, восстановления справедливости, но как естественное следствие превосходства сильного над слабым. Удел слабого заключался в том, чтобы оставаться неотомщенным, и окружающим это казалось естественным и не вызывало чувства протеста. Лишь позднее, с укреплением рода, осознавшего себя как некое единство, противопоставленное другим родам, месть стала пониматься как нравственный долг. За увечье или ущерб, нанесенный одному члену рода, мстили все его сородичи. Такое переосмысление было неизбежным на том этапе развития общества, когда нельзя было достичь возмездия, апеллируя к верховной власти¹.

В жизни европейских народов существование обычая личной мести было связано именно с такими историческими условиями, при каких сводилась на нет или крайне ограничивалась роль правосудия, отправляемого верховной властью — государством, юрисдикции которого должны были подлежать все члены общества. В средневековой Англии слабость центрального государственного аппарата не компенсировалась наличием власти на местах, так как последняя обычно не могла взять на себя функцию посредничества между враждующими родами или даже отдельными лицами. Личная месть была, таким образом, своего рода «диким правосудием» (a kind of wild justice), по словам Френсиса Бэкона², так как давала потерпевшему единственную возможность восстановить честь или возместить понесенные убытки.

¹ См.: *W. E. Wilda*. Das Strafrecht der Germanen. Halle (Saale), 1842, S. 157; *E. S. Tobien*. Die Blut-Rache nach altem Russischen Rechte, verglichen mit der Blut-Rache der Israeliten und Araber, der Griechen und Römer und der Germanen. Dorpat, 1840, S. 9—10; *F. Liebermann*. Die Gesetze der Angelsachsen, Bd II. Halle (Saale), 1898—1916, S. 320—322.

² См.: *F. T. Bowers*. Elizabethan Revenge Tragedy, 1587—1642. Princeton, 1940, p. 3.

Напротив, с укреплением государственной власти в стране наблюдается обратная тенденция. Правительство делает решительные попытки вмешаться в то, что представлялось до сих пор частным делом члена общества. В этом смысле показательным было установление права короны на часть вергельда (*wergeld*, дословно «плата за человека»), т. е. денежной суммы или товаров, которыми ответчик возмещал убытки потерпевшего³. Эта дань укрепляла в общественном сознании представление о том, что ущерб, нанесенный подданному, не безразличен и для государства. Можно полагать, что уже в начале XVI в. преступление против личности безоговорочно рассматривалось как вызов государственной власти⁴. Существовало, однако, и обстоятельство, тормозившее развитие нового взгляда на права потерпевшего. Личная месть зачастую оказывалась куда более скорой и действенной, нежели неповоротливая и продажная машина правосудия.

В XV в. личная месть стала настоящим бедствием в стране, охваченной пламенем феодальных войн. В исторических хрониках того времени можно почерпнуть сведения об убийствах, грабежах и пытках, учиненных по мотивам личной мести. Некоторые из описанных случаев вызывают в памяти печально знаменитые анналы родов Медичи и Борджиа в Италии, откуда столько раз черпали сюжеты своих «кровавых трагедий» английские драматурги Возрождения. Число таких злодеяний, судя по хроникам той эпохи, было весьма значительным⁵.

Укрепление централизованной власти в первой половине XVI в. имело следствием осуждение рецидивов «дикого правосудия» и противодействие им. Идеологи абсолютизма рассматривали личную месть во всех ее проявлениях (например, дуэль) как угрозу устоям государства. Дуэлянтам инкриминировалось неуважение к закону, а всякое «перегламентированное» убийство с заранее обдуманым намерением, имевшее целью отомстить за нанесенную обиду без посредничества закона, рассматривалось как тягчайшее преступление⁶. Официальную точку зрения на прерогативу власти выразил Френсис Бэкон, заявивший по поводу одного дела о дуэли в 1615 г.: «... когда месть исторгается из рук судьи вопреки божьей заповеди *mihi vindicta, ego retribuam**, и каждый обнажает меч не для защиты, но для нападения, частные же граждане начинают воображать себя облеченными законами карать кого бы то ни было за свои обиды, тогда никто не может предвидеть опасности и затруднений, какие могут возникнуть и умножиться... Спорщики могут объединиться в банды...

³ T. P. Ellis. *Welsh Tribal Law and Custom*, vol. II. Oxford, 1926, p. 136.

⁴ L. O. Pike. *A History of Crime in England*, vol. I. London, 1876, p. 290—292.

⁵ «Chronicles of London». C. Kingsford (Ed.). Oxford, 1905, p. 172.

⁶ T. Birch. *The Court and Times of James I*, vol. I. London, 1848, pp. 265—266.

*мне отмщение, и аз воздам (*лат.*).

произойдут волнения и мятежи, которые приведут к расторжению семей и союзов и более того — к гражданской войне»⁷. Бэкон аргументировал здесь прерогативу монарха быть единственным арбитром во всякого рода конфликтах. Из его доводов следует, что личная месть уже рассматривалась как пережиток феодальных времен и подвергалась суровому осуждению. Церковь не замедлила встать на сторону государства. Древний библейский закон Моисея, поощрявший кровную месть, теперь либо замалчивался, либо истолковывался по-иному, в духе новых веяний. Основным аргументом церкви было приведенное Бэконом библейское изречение «мне отмщение, и аз воздам». В 1612 г. епископ Холл предрекал двойную гибель — души и тела — тем, кто ослушается божьей заповеди⁸.

Однако сильное противодействие государства и церкви практике личной мести не приводило к сколько-нибудь заметному сокращению числа кровавых инцидентов. Например, количество дуэлей и преступлений, совершенных из мести, резко возросло к концу царствования Елизаветы и в первые годы после восшествия на престол короля Иакова. Многочисленные дворцовые заговоры, борьба между католиками и протестантами и народные волнения воскрешали в памяти трагическую эпоху междоусобных войн прошлого столетия и более близкое по времени правление королевы Марии Кровавой; во всех слоях общества зрела неудовлетворенность своим состоянием, росла неуверенность в завтрашнем дне. Монархия, напрягавшая все силы в борьбе с пуританским парламентом, уже не могла совладать с обострившимся кризисным положением в стране.

Вместе с королем Иаковом в Англию хлынул поток шотландцев, сохранивших во многом обычаи феодальной старины, уже пришедшие в упадок или совсем исчезнувшие в Англии. Непрерывно возникали конфликты между новоприбывшей шотландской знатью и английским дворянством⁹. Весьма часто личная месть носила резко выраженный классовый характер. Слуги мстили хозяевам за дурное обращение; крестьяне расправлялись с огораживателями-лендлордами, сознавая тщетность апелляции к суду.

Вскоре после разгрома испанской Армады в 1588 г. закончился период кратковременного единения различных общественных слоев, сплотившихся в патриотическом порыве, чтобы отразить иноземное нашествие. Кризис абсолютизма нашел выражение и в критике официальных догм с различных классовых позиций. Проблема нравственности акта личной мести была в силу

⁷ «A Complete Collection of State Trials from the Earliest Period to the Year 1783», T. Howell (Ed.), vol. II. London, 1816, p. 1032.

⁸ «Works of Bishop Hall», vol. V. P. Wynter (Ed.). Oxford, 1863, p. 76.

⁹ «The Autobiography and Correspondence of Sir Simonds d'Ewes», vol. II. London, 1845, p. 324.

указанных выше причин одной из тех насущных проблем, вокруг которых велись острые споры. Широкий диапазон суждений, представленных в различных исторических источниках, позволяет по крайней мере сделать вывод о том, что общественное мнение не склонно было огульно осуждать личную месть, но усматривало различия, с одной стороны, между способами мщения, а с другой, мотивами к нему.

Всеобщее осуждение вызывал «макиавеллистский» характер преступления. Коварство и лицемерие не считались свойствами, искони присущими англо-саксам; свойства эти были, как полагали в Англии, посланы богом в виде особой кары ненавистным папистам. Дурная слава Никколо Макиавелли, автора «Государя», в Англии в то время была настолько велика (достаточно вспомнить, например, «дух Макиавелли», выведенный Марло в «Мальтийском еврее»), что его считали бессмертным, вездесущим и отождествляли даже с самим отцом зла. Наиболее «макиавеллистским» было, с точки зрения тогдашних моралистов, убийство с заранее обдуманной намерением. Такое убийство, особенно если оно совершалось спустя много времени после спровоцировавшего его оскорбления, считалось тягчайшим преступлением. Порицание вызывало также подстрекательство к мести, явное или тайное, которое приравнивалось к найму убийцы. Подстрекатель считался в ряде случаев более виновным, чем сам убийца, так как из двух мстителей «макиавеллистом» выступал именно он. Например, вина Яго в смерти Дездемоны в те времена, несомненно, считалась тяжелее вины Отелло, несмотря на отсутствие прямых улик против Яго, за исключением данного им Отелло совета «не отравлять ее (Дездемону) ядом, но задушить в постели» (IV, 1).

Широкий резонанс получило дело об убийстве Томаса Овербери, автора знаменитых «Характеров», отравленного в Тауэре в 1613 г. Особое возмущение вызвал тот факт, что Овербери пал жертвой заранее обдуманной мести. Многим посмертным изданиям его сочинений предпосланы элегии по поводу его кончины, написанные различными поэтами (в том числе Деккером и Фордом; в издания же 1616 и 1637 гг. включена элегия, подписанная инициалами W. S.). Авторы сетовали на развращенность века, породившего таких жестоких убийц¹⁰.

В связи с ростом числа дуэльных поединков и вообще рецидивов «дикого правосудия» возник интерес к причинам, вызывающим жажду мести в человеке. Среди таких причин назывались «врожденные сильные аффекты, или страсти», как например, гнев, ненависть, ревность, честолюбие, зависть. Гнев считался главным агентом возбуждения мстительности. В анонимном трактате о страстях (1621) изучается различие между ненавистью и гне-

¹⁰ F. Parry. The Overbury Mystery. London, 1925, p. 305—310.

вом, причем последний определяется как частный случай первой. Гнев, рассуждает автор, можно испытывать лишь к отдельным лицам; ненависть часто обращена против всего человечества; гнев излечивается терпением; ненависть не ослабевает до самой смерти; гнев жаждет открыть жертве лицо мстителя, ненависть довольствуется уничтожением объекта мщения, не раскрывая себя; гнев причиняет мстителю душевные страдания, ненависть холодна; гнев знает меру в мщении, но ненависть безмерна и всегда доводит месть до конца. Честолюбие считалось национальным пороком англичан и, по мнению моралиста, заслуживало снисхождения, но ревность, которую рассматривали как свойство чисто романского характера, казалась в ряде случаев недостаточным мотивом для мщения, особенно когда, кроме подозрения, у мстящего не было веских улик¹¹.

Месть за поруганную честь рода вследствие прелюбодеяния или мезальянса, как правило, не находила сочувствия у англичан эпохи Возрождения, которым был чужд жестокий нравственный кодекс, принятый в Испании и в Италии, где утрата жизни считалась меньшим несчастьем, чем утрата чести. Зрителя в английских театрах того времени, ставивших переводные итальянские пьесы или пьесы из итальянской жизни английских драматургов, особенно поражало и возмущало хладнокровие мстителя, который убивал, повинувшись не опрометчивому горячему порыву, но предварительно рассчитав, в какой момент и каким орудием удобнее нанести удар. Бессмысленно жестоким казалось убийство неверной жены, которое по взаимному соглашению совершали либо оскорбленный супруг, либо близкие родственники виновной. Можно думать, что кальдероновский «Врач своей чести», будь эта пьеса представлена в «Глобусе» или каком-нибудь другом лондонском театре той поры, нашел бы зрителя, склонного, по всей вероятности, отождествить дону Гуттьере с популярной фигурой мстителя-злодея, вроде Фламинео из «Белого дьявола» Уэбстера¹².

Бертон в «Анатомии меланхолии» (1621) называл зависть в числе главных пороков времени, способных сделать человека мстительным и внушить ему ненависть к людям. Завистник может пролить кровь даже без всякого повода, а такое убийство — самый худший грех¹³. Поэтому, например, преступление Клавдия в «Гамлете», усугубленное мотивом кровосмесительной страсти и совершенное по явно «макиавеллистским» образцам, должно было казаться современникам Шекспира особенно отвратительным.

Кровная месть вызывала к себе двойственное отношение. Месть убийце отца или сына вообще казалась законной (особенно

¹¹ «A Table of Humane Passions», 1621, repr. London, 1862, p. 23.

¹² F. T. Bowers. Elizabethan Revenge Tragedy, p. 20—22.

¹³ R. Burton. The Anatomy of Melancholy, vol. I. London, 1902, p. 310.

в тех случаях, когда было трудно или вовсе невозможно апеллировать к правосудию), и общественное мнение обычно симпатизировало мстителю, хотя ограничивало его в выборе средств отмщения. Распространенный взгляд на допустимость мести ясно выражен в романе Томаса Лоджа «Маргаритка Америки» (1596), где отец, провожая сына в чужую страну, дает ему следующее напутствие: «Мстя, будь смел, но не чрезмерно жесток»¹⁴.

Гамлет отказывается от намерения убить Клавдия во время покаянной молитвы, полагая, что такая смерть будет не мщением, но наградой («hire and salary») злодею. Последующее пространное изложение доводов в пользу более жестокого наказания убийцы отца (III, 3) воспринимается как попытка оправдания, продиктованная опасением упреков в «макиавеллизме».

Среди дворян (особенно высшей знати) преобладало мнение, что личная расправа с врагом всегда предпочтительнее судебного иска. Наиболее сильное противодействие вызывали неоднократные указы правительства, воспрещавшие дуэльные поединки. Выдвигались различные соображения, по которым дуэль представлялась не только допустимым, но даже весьма желательным способом разрешения многих споров и ссор. Среди аргументов в пользу дуэли интерес представляют следующие: если существуют войны и целые армии сражаются друг с другом, то, следовательно, и частные лица вольны в честном поединке защищать свои права (интересно сопоставить с этим доводом размышления Гамлета о собственном бездействии в монологе из четвертой сцены четвертого акта: «А ведь тут же, к моему стыду, я вижу, как смерть грозит двадцати тысячам людей, которые ради прихоти и пустой славы идут в могилу, будто в постель, сражаются за клочок земли, где даже для сражения не хватает пространства и где не уместить могил, чтобы похоронить убитых»)¹⁵; поскольку правосудие карает виновного за нанесение частному лицу оскорбления не во всех случаях, а лишь когда это оскорбление угрожает общественной безопасности, постольку частное лицо, не нашедшее справедливости, имеет право мстить; обычай старины, особенно традиции рыцарства, повелевают мстить врагу; поскольку простолюдин не имеет понятия о чести (все гражданские судьи в то время были «низкого» происхождения), он не может выступать арбитром в споре между джентльменами, и, следовательно, дворяне должны драться на дуэли; в ряде случаев правосудие не может задержать и покарать преступника, иногда не может даже установить его личность; таким образом, личная месть —

¹⁴ *Th. Lodge. Complete Works, vol. III. London, 1883, p. 18.*

¹⁵ Подстрочный перевод. Цит. по кн.: *М. М. Морозов. Избранные статьи и переводы. М., 1954, с. 404.*

не помеха, но, наоборот, помощь правосудию; опасаясь неотвратимой кары, многие побоятся нарушить закон; и т. д.¹⁶

Даже Бэкон, непримиримый противник дуэли и личной мести, указывал в одном из своих сочинений, что месть все же терпима, когда, кроме оскорбленного, некому отомстить за обиду и когда закон непозволительно долго медлит¹⁷.

Таким образом, публика, заполнявшая в ту пору театры в Лондоне и в провинции, встречала появление мстителя на сцене отнюдь не с ликованием, но вместе с тем вряд ли была заранее предубеждена против него. В оценке поведения героя пьесы играли роль различные указанные выше факторы, которые и влияли на окончательное суждение зрителя. Драматурги чутко улавливали настроение своей аудитории, что во многом определяло проблематику их пьес. *Метаморфоза*, происшедшая с протагонистом-мстителем на елизаветинской и якобитской сцене за сравнительно недолгий срок (1580—1642), — от «честного» Иеронимо в «Испанской трагедии» Кида до аморального антигероя Фламиньо в «Белом дьяволе» Уэбстера — отражает эволюцию в общественных взглядах той эпохи на правовую и нравственную сущность личной мести. «Кровавая трагедия мести», подобно историческим хроникам Шекспира, представляет собой благодарный материал для оценки отношений между личностью и государственной властью в пору кризиса английского абсолютизма накануне буржуазной революции.

¹⁶ F. T. Bowers. Middleton's «Fair Quarrel» and the Duelling Code. JEGP, vol. XXXVI, 1937, p. 40—42.

¹⁷ F. Bacon. *Essays*. M. Scott (Ed.). New York, 1908, p. 20.